

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Исследования по славянской
диалектологии**

24

Москва • 2023

УДК 811.16
ББК 81.41
И 88

Авторы:

*М. М. Алексеева, Н. Е. Ананьева, С. А. Борисов, И. А. Букринская,
Ж. Ж. Варбот, А. Д. Васюков, И. А. Горбушина, П. И. Долгополов,
С. В. Дьяченко, А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, Н. И. Киреев,
С. В. Князев, М. М. Кондратенко, С. А. Мызников, С. Л. Николаев,
Г. П. Пилипенко, Биляна М. Савич, М. Н. Саенко, С. С. Скорвид,
М. Н. Толстая, Дияна М. Црняк, Т. В. Шалаева*

Редколлегия:

*д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. М. М. Алексеева, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко*

Рецензенты:

к.ф.н. И. И. Исаев, к.ф.н. М. М. Валенцова

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 24. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2023. – 292 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 24) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXIII Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 7–8 июня 2022 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXIV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 7–8th, 2022 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists—specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISBN 978-5-7576-0493-0
ISSN 2618-8589

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2023.24 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2023

Содержание

<i>М. Н. Саенко.</i> Праславянские «редуцированные» и гласные <i>и</i> и <i>і</i> в словенском говоре Валбурги: некоторые параллели.....	5
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Об одном балто-славянском лексическом соответствии ..	40
<i>А. Ф. Журавлёв.</i> Восточнославянские этимологии (3. Укр. диал. <i>батюта</i> . 4. Русск. <i>барахло</i> . 5. Укр. диал. <i>рахомѣт'је</i> , белорус. диал. <i>рахамѣцье</i>)	43
<i>П. И. Долгополов, Н. И. Киреев.</i> Праславянское * <i>goľь</i> в зеркале некоторых дериватов	51
<i>М. М. Кондратенко.</i> Заимствования в славянских народных обозначениях времени	76
<i>А. Д. Васюков.</i> Литературный стандарт и диалекты: реакции этнических кашубов на процесс языковой кодификации	88
<i>С. С. Скорвид.</i> О международном проекте по созданию интернет-карты чешских говоров за пределами ЧР.....	101
<i>Н. Е. Ананьева.</i> YouTube как дополнительный источник изучения периферийных и островных польских говоров	122
<i>Диана М. Црняк, Биляна М. Савич.</i> Из синтаксиса глаголов в речи жителей района Слатины близ Баня-Луки	132
<i>М. М. Алексева.</i> Детский лексикон в карпатоукраинских говорах	152
<i>Т. В. Шалаева.</i> О суффиксе существительных <i>-ой-</i> в русских диалектах ...	173
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Среднерусские говоры: сравнительное описание центра и периферии	181
<i>С. А. Мызников.</i> Некоторые аспекты изучения русских говоров Приладожья и Обонежья	194
<i>С. В. Князев, С. В. Дьяченко.</i> Тональный контур общего вопроса в белозерских говорах	205

<i>И. А. Горбушина. Отражение межъязыковых контактов в диалектизмах (на примере рус. диал. бутор) .....</i>	<i>229</i>
<i>Г. П. Пилипенко, С. А. Борисов. Тексты на украинском и чешском языках из Воеводины (Сербия) .....</i>	<i>236</i>
<i>С. Л. Николаев, М. Н. Толстая. Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая. 2. Традиционная культура .....</i>	<i>246</i>

*Г. П. Пилипенко,
С. А. Борисов
(Москва)*

Тексты на украинском и чешском языках из Воеводины (Сербия)¹

В публикации представлены украинские и чешские диалектные тексты, записанные от представителей миноритарных славянских сообществ, проживающих в автономном крае Воеводина (Сербия). В публикуемых нарративах отражены фонетические особенности переселенческих островных говоров украинского и чешского языков, а также контактные элементы, возникшие под влиянием доминантного сербского языка. Тематические тексты охватывают сферу традиционной духовной культуры рассматриваемых национальных сообществ.

Ключевые слова: украинский язык, чешский язык, сербский язык, Воеводина, диалект, языковые контакты, традиционная культура, полевое исследование

В статье публикуются тексты, записанные авторами от информантов — носителей украинского и чешского языков, которые проживают в Воеводине. Интервью с собеседниками проводились с 2015 по 2023 г. Украинские тексты приводятся в транскрипции, отражающей фонетические особенности говора, позиционные изменения гласных и согласных. Украинцы проживают в Сербии в Южной Бачке и в области Срем. В основном это вторичная миграция из Боснии и Герцеговины, куда предки носителей украинских говоров переселялись с территории Галиции. Речь идет о носителях поднестровского диалекта юго-западного наречия украинского языка (см. публикацию текстов из Боснии и Герцеговины: [Пилипенко 2021]). Используемая в статье упрощенная транскрипция чешских текстов также позволяет отметить позиционные изменения согласных звуков, долготы гласных звуков и иные особенности говора. Чехи в Воеводине являются, в основном, потомками вторичных мигрантов из румынской части Баната. Обширная география первичной миграции и

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона», <https://rscf.ru/project/20-78-10030/>.

дальнейшее смешение говоров усложняют анализ диалектной основы языка сербских чехов, однако в речи жителей села Крушчица проявляются черты говоров юго-западно-чешской группы [Utěšený 1970: 139–141].

Представленные здесь тексты интересны тем, что эти говоры на протяжении длительного времени развивались вне ареала основной территории их бытования, сохранили некоторые архаичные особенности, а также сформировали ряд черт, прежде всего в области морфологии и синтаксиса, в контакте с сербским языком. Тексты публикуются с переводом на русский язык. Украинские тексты записаны от информантки С. Ш., которая проживает в городе Сремска-Митровица, 65 лет. Чешские тексты записаны в селе Крушчица от информантов: Й. М., муж., ок. 75 лет ([9]), Б. Г., жен., 71 год ([10–12]), М. К., жен., 74 года ([13–14]). Тематически представлены следующие нарративы: в [1] собеседница говорит о блюдах традиционной кухни; в [2] — про обычаи при строительстве дома; в [3] — о праздновании Рождества; в [4] — о культурной и церковной жизни украинцев Воеводины; в [5] — про обычаи в Сочельник и на 14 января; в [6] — о дне св. Николая; в [7] — про колядование; в [8] — о празднике Крещения. Нарративы, записанные от чехов, посвящены: [9] — функционированию неофициального этнонима *petac*, который используется по отношению к чехам; [10] — приметам, связанным с икотой, приводятся фразы, которые обычно говорят, когда кто-то икает; [11–12] — календарным приметам, связанным с погодой; [13–14] — зимним развлечениям.

[1] Varýlo s"i ws"o, i fasól'a i tojvó, čorbice máma varýla. Z yoródu ws'o. Mály svojí kúry, ýusy^e, ws"o tu búlo. Jájc"i, da. Voný ódma varút i kladút toj, sírište. Xtos' ne kladé to sírište, v'in kladé vócet, i tudý i z vóctom róbl'at w nas w Sérb'iji. To sámó znácy molokó, vóz'meš i postávy'ež yo, de vonó, ny varýš, n'ic, i tudý da. I tudý tak tróxa zakolótyš, to dúže zdoróve i za jétru i za ws"o, znáješ, da. Tudý tu stojálo, značýt, u tyjvó, yórsčyky z molokóm, s sérvatkom. Ónda máma robýla máslo, jákos' koloty'la to, da, i to robýla, ws"o búlo domášne. Značýt, ýusy, kúry, to s"i r'ízalo za, e, da s"i jis"e". Svý'n' i s"i trymály za zé'mu, i vóseny s"i svý'n' i r'ízaly, tudý s"i robýly tóti kobasý. Robýly s"i tóti švárgli, ja ne znáju jak s"i nazývajúť švárgle, da. V'id mjása, da. E! To krvávica, tu s"i nazývájé krvávice. Pa i prýjduť sus"ídy, prýjde rodýna, to búlo bayáto l'udéj tudý, tak s"i zbyrály. Tepér u nas bárem támka, najb'il'se je slúžba klán'a. I tudý prýjduť po svyn'ú, v'idnésut, zrób'at, šo tréba, vénut. Zaplátyš k'il'ko tréba, wže wdóma s' i n'ic skóro ne róbl'e. Cybúl'u čýesty'lye,

čysnýk čý^esty^ely^e, varýly w xát'i, peklý wže tam pampušk'ý čy šo, vynosý^ely^e rákiju, vynó varýly, vynosýly, i tak. I tudý s''i crévo jak s''i nazývájé? K'ísk'ý da, čý^estylo s''i za kobasú, za tu krvávicu, to ž'ink'ý robý^ely^e, da.

Варили все, и фасоль, мама варила супы. Все с огорода. У нас были свои куры, гуси, все было. Яйца, да. Они сразу варят и кладут эту, закваску. Кто-то не кладет закваску, кладет уксус и тогда делают с уксусом у нас в Сербии. Это только значит молоко, возьмешь и поставишь его, где оно, не варишь, ничего. И тогда так немного его взбить, это очень полезно для здоровья и для печени, и для всего, знаешь. Тогда здесь стояли горшки с молоком, с сывороткой. Мама делала масло, как-то взбивала это, да, и делала это. Все было домашнее. Значит, гуси, куры, их резали, чтобы есть. Свиной держали на зиму, а осенью свиной резали, тогда делали эти колбасы. Делали эти *švargli*, я не знаю, как называются *švargle* (зельц), да. Из мяса. А! Это *krvavica* (кровяная колбаса), тут называют *krvavice*. И придут соседи, придут родственники, было много людей, так собирались. Сейчас у нас, по крайней мере там, больше всего используется служба для закола скота. И тогда придут за свиной, унесут, сделают что нужно, вернут. Заплатишь сколько нужно, дома уже ничего почти не делают. Лук чистили, чеснок чистили, варили дома, пекли там пампушки или что, выносили ракию, вино варили, выносили, и так. И тогда, *crevo* как называется? Кишки, да, чистили для колбасы, для этой кровяной колбасы, это женщины делали, да.

[2] Da, ja čúla, že kaldút w tétel', to bába Mar'ija, mojá svekróxa γο-voγýla. Pa óbično γρόσι káo klály, da, γρόσι klály i tydý dál'e, ne znáju, čo to, môže áby xáta mála γρόσι, ne znáju šo, ále to wže klály, da, ny rospov'idála čo. Sušýly na sónce sámó, bolóto.

Да, я слышала, что кладут в фундамент (монеты), это баба Мария, моя свекровь, говорила. Обычно деньги клали, да, деньги клали и тогда потом, не знаю, для чего это, может, чтобы в доме были деньги, не знаю, для чего, но это клали, да, но она не рассказывала, для чего. Сушили на солнце только, грязь (для строительства).

[3] Ws''o, da, ws''o tak r'ixtújemo, tak sámó za... Voný kazály dvanájc''ic'', strávy, i ws''o. Kóšyk za Velýgden' s''i r'ixtúje tak sámó, nesé s''i do cérkvy, páska s''i pos''v'íčuje. U nas u Mítrovici, za Úskrs, kóji je to? Velekódn'i, jel? Tudý tojvó je slúžba boža, alé tudý w nas je stražári, to sámó u Mítrovici je, ja dúmajú. U

nošn'i, i tojvó, i p'il'nújut plašč'ewnýc'u, i óvaj. Vo znáju, že kazály, že káo sámó še u Mítrovici s"i to otrémuje.

Все, да, мы все так готовим, так же для... Говорили, двенадцать блюд (на Рождество). Корзину на Пасху готовили так же, ее несут в церковь, паску освящают. У нас в Митровице на *Uskrs* (Пасха), какой это? Пасхальные (праздники), да? Тогда служба в церкви, и тогда у нас есть стражники, это только в Митровице, я думаю. Они в одежде и охраняют плащаницу. Я знаю, что говорили, что вроде бы только в Митровице еще это сохраняется.

[4] Je w Verbásu, je w Kúli, je w Nów'im Sád'i, u Ínž'iji je tak sámó baš ukrajínska cérkva, šo po ukrajínski, ónda de še je? U Šídu, tak sámó rusn'ak'ý, je dúže velýka cérkva, kolýs' to búlo tak, mála ta cérkva. To budý^enok starýj, májut svojí, vyno^urát. To róbl'at i vynó, to ws'o pry cérkv'i, i dúže velýka je cérkva, ws'o^o májut. Da, i óvaj, jak kázan'a na slúžb'i tudý kolýs' po ukrajínsky des' kolýs' po sérpsky, záto šo bayáto je, jak to kažut, čolov'ík ukrajíнец, ž'ínka ínše. U Srémski Mítrovici, da, je továrystvo, Koloméjka, tojvó, je, dósta člán'iw, tepér ne máju baš n'ic, aby-m pokazála šos' jix, nemá. Záto kážu, záto d'íty ne znájut ^uovorýty, tak jákos' nawčýly tak. Voný tepér w škól'i, voný w škól'i wčut móvu, tak že voný, troxa šoz' d'íty mal'í znájut.

В Врбасе есть, есть в Куле, есть в Нови-Саде, в Инджии также есть украинская (греко-католическая) церковь, которая по-украински (проводит службы), где еще есть? В Шиде, (там) также русины, там очень большая (греко-католическая) церковь, когда-то была маленькая церковь. Это старое здание, у них свои, виноград. Они делают вино, это все при церкви, и очень большая церковь, у них все есть. Да, и когда проповедь на службе, то когда-то по-украински, когда-то по-сербски, потому что многие, как говорится, муж — украинец, жена — другой (национальности). В Сремска-Митровице, да, есть (культурное) общество «Коломыйка», в нем достаточно участников. Сейчас у меня нет ничего, чтобы показать что-то их, нет. Поэтому я говорю, поэтому дети не умеют говорить (по-украински), так их как-то научили. Они сейчас в школе, они в школе учат язык, так что они, маленькие дети немного что-то знают.

[5] Bula solóma, jak máma i táto búly, voný wnosýly solómu. Tak, za s'v'atýj věčir máma k'ydála to. D'iduxá vóz'memo tróxa, tojvó, pšenýc'u tak zjéžemo i tudý pokladémo na stil, to nam d'idúx, alé wže wdolý^enu ne kladé-

mo. U Mítrovici je, trymaje, alé wže nemá, bórše búlo še jak máma i táto búly žyv'í, tudý jšly b'íl'se, a tepér wže s' i to troxa zyubý'elo, nemá. Šty^ernájč'atoyo s'íčn'a, my jak búly d'íty, to s'mo jšly zas'iváty, da, pšenýc'u w torbýnu, i tudý po xatáx ukrajínskych, wráno, wdósv'ita. *S'ij s' i rodý^e s' i, žý^eto pšenýc' a, ws' il' aka pašnýc' a, na šťás' t' a, na zdorówl' a, na toj samýj novýj r' ik, áby vam s' i l' ípše povódylo jak tor' ik, Xrystós s' i raždáje!* I tudý my to skážemo, i tak, k' ýdajemo tu pšenýc'u, i tujvó, i tudý nam dajét, čy cukérk'y, čy jápko, čy xto kotrýj dínar-dva šo s' i káže, e tak! My jšly po ukrajínskych xatáx, znály s'mo d'íty, de je, wráno wdósv'ita. To voný nas puskály, i tak to, to búlo tudý, a tepér wže toyo nemá, nemá n' i w Lač'érku, n' i w Mítrovici. Sámó ne wnósymo b'íl'se solómu, to ne wnósymo.

Была солома, когда были мама и папа, они вносили (в дом) солому. Да, в Сочельник мама бросала ее. Мы возьмем немного *дидуха*, пшеницу так свяжем и положим на стол, это у нас дидух, но уже вниз (на пол) не кладем. В Митровице есть этот обычай, сохраняется, но уже нет, больше было, когда мама и папа были живы, тогда шли больше, а сейчас немного исчезло, нет. Четырнадцатого января, когда мы были детьми, мы шли «засевать», да, пшеницу в сумку и – по украинским домам, рано, до рассвета. *Сейся, родись, жито-пшеница, все злаки, на счастье, на здоровье, на тот самый Новый год, чтобы вам лучше везло, чем в прошлом году, Христос рождается!* И тогда мы так скажем, и так бросаем эту пшеницу, и тогда нам дают или конфеты, или яблоко, или кто динар-два, как говорится, так! Мы шли по украинским домам, мы, дети, знали куда, рано, до рассвета. И нас пускали, и так это, это тогда было, а сейчас уже этого нет, нет ни в Лачараке, ни в Митровице. Только мы больше не вносим солому, это не вносим.

[6] Za Nykolája mama nam klála, p'it pódušku nam klála podarúnk'y. Tudý k' ydála ģor' ix'y, cukérk'y, tudý lýšy na v' ikn' í. Káže: “*A tudá perejšów S' v' atýj Nykoláj i poġubýw*”. To j tak my jšly d'íty, šukály to j tak. I na p' id-lóz' i, a bulý tak, káo, jak v' in jšow čérez dvér' i i zayubýw, káo na v' ikn' í, tak des', de my zdýblemo. To buw tu S' v' atýj Nykoláj, tak my w xát' i, máma nam robýla šos', ne znáju, jak buló dal' í, a w nas tak.

На Николая мама нам клала, под подушку нам клала подарки. Она бросала орехи, конфеты, оставит их на окне. Говорит: «Там прошел Святой Николай и потерял». И мы, дети, шли искать. И на полу, а было так, что он якобы шел через дверь и потерял, якобы на окне, так где-нибудь,

где мы найдем. Это был здесь Святой Николай, так мы дома, мама нам делала что-то, не знаю, как было потом, а у нас так.

[7] Za R'izdvó róbymo s'v'atýj večir, γotújut strávy kotr'í, tojvó, kotr'í s'í róbl'at na Ukrajín'í, na stil stáwl'at ws'o to voný stoját. Tak moj'í ródyči robýly, tak i ja róbl'u, d'íty moj'í. Jak večérja, postáwjat ws'i ti strávy, i voný, ja jix ne rúxaju do rán'a s stóla. Značýt, kut'á jde pérša, pérša s''i beré, tudý wže s'í večér'aje. Kól'ady jdut, náv'it' tepér továrystvo i mólod' idé oryan' izóvano v'it xáty do xáty i kol'adújut. Ti γróši, šo d'istajút, to dajémo na cérkvu, značýt, v'it tóyo s'í kupújut s'v'íčk'y i šo ja znaju šo tréba.

На Рождество мы устраиваем Сочельник, готовят блюда, которые готовят на Украине, на стол ставят все это, и они стоят. Так мои родители делали, так и я делаю, дети мои. Когда ужин, поставят все эти блюда, и они, я их не трогаю до утра со стола. Значит, кутью первой пробуют, первой берут, тогда уже ужинают. Колядники идут, даже сейчас общество (культурное) и молодежь идет организованно от дома к дому и колядуют. Эти деньги, которые они получают, отдаем на церковь, значит, из них покупают свечи и что еще нужно, не знаю.

[8] Na Jordán idé s'í po s'v'átu vódu, ráno. N'iják'yx zvyčájijw tepér, w cérkv'i t'ýl'ko blagoslovýt s'í s'v'atá voda i každyj sub'í beré do dómu tu vódu i máje w xát'i. I kóžda xáta máje s'v'atú vódu wdóma, tak šo tojvó. A drúyyj zvyčáj i nýn'i, šo to idé s'í i na r'íčku, de je, alé w nas takóji r'íčky néma, a i málo téper ukrajínc'iw, tak šo w cérkv'i vodá s'í s'v'atýt, wráno na pjátu γodýnu idé s''i. Jak idé blagoslovýty xátu, po xatáx, s'v'atóm vodóm, to stávty s'í s'v'atá vodá. W skl'ánočku nal'éju, jak xto xóryj, jak xtos' pomér, to s'í kladé kólo tóyo pok'íjnoyo. Značýt, jak poγóda poγána na dvor'í, to znájut tak sámopyty s'v'atú vódu. I v'inóčk'y, kotr'í s'í s'v'at'át, jak tojvó, w s'ómym m'ís'ac'u s'v'atýt s'a v'inóčok, kóžda xáta sob'í zróbty v'inóčok v'it kvýtiw. Tepér róbl'at i v'it kvýtiw, ale kolýs' to robýly, po pól'u, rvut kvýty ti, i s tyx kvýtiw s'í robýly v'inóčk'y i s'v'atýt s'a toj v'inóčok. I v'inóčok toj stojít, i jak tréba to... jak naprýklad wže mynáje r'ik, wže drúyyj r'ik, druyyj v'inóčok s'í robyt, tudý tojvó, alé to kóžda xáta, ne k'ýdaje takó des', to spalýt, bo to s'v'aščéne.

На Крещение идут за святой водой, утром. Сейчас никаких обычаев нет, в церкви только благословляют святую воду, и каждый берет домой

эту воду и держит в доме. И в каждом доме святая вода дома, так что так. А другой обычай и сегодня, что идут на речку, где есть, но у нас такой речки нет, да и мало сейчас украинцев, так что в церкви воду освящают, утром в пять часов идут. Когда (священник) идет благословлять дом, по домам, святой водой, то ставят святую воду. Я в баночку налью, если кто болен, если кто-то умер, то ставят около этого покойника. Значит, если плохая погода на улице, то тоже имеют обыкновение пить святую воду. И веночки, которые освящают, как это, в июле освящают веночек, каждый дом делает себе веночек из цветов. Сейчас делают из цветов, но когда-то это делали, в поле рвали цветы и из этих цветов делали веночки и освящали этот веночек. И веночек этот хранится, и если нужно... Если, например, уже проходит год, другой веночек делают, но это каждый дом. Не выбрасывают его так куда-нибудь, сжигают, так как это освященное.

[9] Nevim, co to znamena pemaц. Tak vu nas, tuten kraj, žikali nam čexum pemaц. A mi sme se žadni se nezlobil. An' i vot srbu, n' i to. Dřiv de se co sretnu tam že n' akej: «*O, zdravo, pemaц, kako si?*». Mi sme se to nezlobili uopšte, n' ic. Mn' e bilo, mn' e tej, nam žikaji češi, vod' i tuti česi, začli tu d' elat. «*Tu sou češi, češi, a ešče žikaji po n' ejaki pemci*». A mn' e tej smn' ešni, že mi žikaji čex. «*Ja sam pemaц, bre, ovde true pemci, česi su u Česku*», rekoх.

Не знаю, что значит «пемац». Так у нас, в наших краях, называли нас, чехов: «пемац». А у нас никто не сердился. Даже если [слышали это] от сербов, тоже нет. Раньше, когда где-нибудь встретятся, и кто-то: «О, здорово, пемац, как ты?». Мы на это не сердились, совсем, ничего. Мне было, мне сейчас, нас называют «чехи», водят тех чехов, начали здесь работать. «Здесь чехи, чехи, а еще говорят о каких-то пемцах». А мне теперь смешно, что меня называют чехом. «Я пемац, эй, здесь (англ.) *настоящие* пемцы, чехи в Чехии», — сказал я.

[10] A ja jsem tolik škitala. Ja pram: «*Gdo mn' e tolik fspomína*», a ti si asi čekal, dok sem se ja neozvala. To u nas žikaji: «*Gdiš škitaš, tak t' e n' egdo fspomína*». Ve škole sme se učili, diš skitaš, takže to dvje kapki do do srce kápnou. Krve, dvje kapki krve, ne jedna po jedna, ali dvje. Tagže. Co je s toho pravda, nevim. No to vječinou žikaji: «*Fspomen si na n' ekoho*». No ja si fspomínam na toho, na toho, na toho, a potom an' i na koho sem si fspomjela a to přestálo. Diš sem bila mala, moje baba žikala: «*Šla škitka pšez može, potkala Žehože, Žehoř se vrát' il, a škitka tam zustala*».

А я так икала. Я говорю: «Кто меня так вспоминает?» — а ты, наверное, ждал, пока я не ответила. У нас так говорят: «Если икаешь, значит, тебя кто-то вспоминает». В школе мы заучили, что когда икаешь, то две капли капаят в сердце. Крови, две капли крови, не одна за другой, а две. Так что вот. Что из этого правда, я не знаю. Но обычно так говорят: «Вспомни о ком-нибудь». Ну, я вспоминаю о том, о том, о том, а потом я так ни о ком и не вспомнила, но все прошло. Когда я была маленькая, моя бабушка говорила: «Шла икота через море, встретила там Григория, Григорий вернулся, а икота там осталась».

[11] U nas žikaji: «*Svata Ana — xladno z rána*». Svata Ana bila dvacet šestih července. Tak od svati Ani už se zaxlazuje, ráno su xladn'ejši.

У нас говорят: «Святая Анна — холодные утренники». Святая Анна была 26 июля. Так что со святой Анны становится холоднее, по утрам становится холоднее.

[12] U nas zase je na Št'epana. Na Luciji, ne na Št'epana. Lucije je třináctih prosince. Na Svatou Luciji noci ubije, ale dna nepšida. Noci ubije, a den nepřida. A Novi rok o slepiči krok. A Tři krále o hod'inu dále.

У нас же на [святого] Стефана. На [святую] Люцию, не на Стефана. Люция 13 декабря. На святую Люцию ночь убивает, но дня не прибавляет². Ночь убивает, а день не прибавляет. А Новый год на куриный скок. А Три короля на час дальше.

[13] F tenkrat sme nemn'eli an'i pjecknou sálu, ani n'ic. Tak sme hod'ili v zimm'e, diš se netancuvalo, diž bili pósti. Vod e-e Katežini se vic netancuvalo, aš na-a doček novih roku. Zadn'ij muzika bila na Katežinu. Katežinskej bal, to dicki holki nosili fšixn'i bili šati. I na doček novih roku taki vjetšinou sme holki si vi- vo- voblikali bili šati. I bila muzika. A diš bili pósti, po masopust'e, tak sme hod'ili si kamaratki naše generacije, kolik nas bilo, vosum, devjet, kažou ned'eli, k jednej kamarace. Neska u mn'e, zejtra u Dóri nebo u koho bilo moji generaciji. I tam sme si hrali prstínki nebo e karti, vipravjeli n'aki viceve nebo n'eco. Tak sme si hráli, tak sme si zanimali. V let'e sme potom hod'ili tam du dolišního kraja sme si hráli kački z jara. Taki diž bil púst

² Здесь информантка, возможно, неточно приводит поговорку, в словарях фиксируется: *Svatá Lucie noci upije* 'Святая Люция ночи выпивает'.

před červenima sa- svátkama se taki netancuvalo se, po masopust'e šest ned'el taki ne. Netancuvalo do svácix. Tak sme si hrali kački. E jeden kousek dřífka i prut, i tak sme házeli i s košíkama xit'ele, xitali tu káčku, i to sme si hráli.

Тогда у нас не было даже хорошего зала, ничего. Так мы ходили зимой, когда не танцевали, когда был пост. После [святой] Екатерины больше не танцевали, вплоть до кануна Нового года. Последние танцы были на Екатерину. Екатерининский бал, девушки всегда все надевали белые платья. И в канун Нового года тоже мы, девушки, в основном надевали белые платья. И были танцы. А когда был пост, после масленицы, то мы ходили, подружки нашего возраста, сколько нас было, восемь, девять, каждое воскресенье к одной из подружек. Сегодня у меня, завтра у Доры или у кого-то еще моего возраста. И там мы играли в колечко или в карты, рассказывали всякие шутки или что-нибудь. Так мы играли, так мы себя занимали. А летом мы ходили туда вниз, мы играли в «утку» по весне. Еще когда был пост перед Пасхой, тоже не танцевали, после масленицы шесть недель тоже нет. Не танцевали до праздников. Так вот, мы играли в утку. Одна деревяшка и прут, так мы бросали и с корзинками ловили эту утку, так мы в это играли.

[14] Pa to-o. Tak držíte ruce, ta-ak, a jeden má v ruce knoflik. I tej vom poušti, mi šini držíme, jako dršte tej ruku, mi držíme fšixni. I ti tej hádaš, a pořad ti tak d'elaš, a jako diš se kaže, a ti mušiš uhádnut, u koho sem ja pust'ila ten knoflik. I pak (j)esi neuhadneš. Nejmam, uš sem to zapomn'ela, dal desetkrat nebo kolikrat, a pak dou a t'e vdavaj nebo t'e žen'ej. (J)esi kluka, tag ho žen'ej. Daj(i) na prsti tuto je ta holka, to je ta holka, to je ta holka. I pak t'e jako žen'ej. Ti žekneš, kerej prst, i tak sme si mi to hrali. Lepši sme nemn'eli, iniho sme nemn'eli, tak se to hrálo, ti prstínki. To se poušt'el knoflik, i ti jesi ti, po napřad poušt'el, a ti, a drži ho mezi prstama, a ti tej mušiš uhádnut. Te esi uhádneš, ne, ti se n'egdi neuhádneš i desetkrat, pak t'e žen'ej nebo vdavaj. Gdo-o a gdo, misim, gdo háda. Tak sme si to hrali.

Ах это. Так, держите руки, вот так, а у одного в руках пуговица. И теперь он опускает, мы все держим, вот держите сейчас руку, мы все держим. И ты теперь угадываешь, и ты все время так делаешь, а когда говорят, ты должен угадать, у кого я оставила пуговицу. И потом, если не угадаешь. Не знаю, я уже забыла, десять раз или сколько, потом идут и тебя выдают замуж или женят. Если парня, то женят. Надевают на пальцы: это та девушка, это та девушка, это та девушка. И потом тебя как бы женят.

Ты говоришь, какой палец, и так мы играли. Ничего лучше у нас не было, другого у нас не было, так мы играли, в это колечко. Пускали пуговицу, и если ты, ее все время пускали, а ты, и держали между пальцами, а ты теперь должен угадать. Ты если угадаешь, ты иногда не угадаешь и с десятого раза, и потом тебя женят или выдают замуж. Тот, кто угадывает. Вот так мы в это играли.

Литература

- Пилипенко 2021 — *Пилипенко Г. П.* Украинские тексты из Боснии и Герцеговины // Исследования по славянской диалектологии. 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калнынь. М., 2021. С. 225–237.
- Utěšený 1970 — *Utěšený S.* O posrbš'ování kruščické češtiny v jugoslávském Banátě // Naše řeč. 1970. T. LIII. S. 138–145.

Summary

*Gleb P. Pilipenko,
Sergey A. Borisov*

Ukrainian and Czech dialect texts from Vojvodina (Serbia)

The Ukrainian and Czech dialect texts recorded from representatives of minority Slavic communities living in the autonomous region of Vojvodina (Serbia) are published in this paper. The narratives reflect the phonetic features of the migrant dialects of the Ukrainian and Czech languages, as well as contact items that arose under the influence of the dominant Serbian language. Thematically, the texts cover the sphere of traditional and spiritual culture of the national communities under consideration.

Keywords: Ukrainian language, Czech language, Serbian language, Vojvodina, dialect, language contacts, traditional culture, field research.